

В ПОИСКАХ ВЫМЫШЛЕННОГО КЛАССА

Н.П. Проценко

Южный федеральный университет

1.

В заключительной главе первого тома «Мир-системы Модерна» Иммануил Валлерстайн формулирует теоретическое положение, согласно которому в обществе не может существовать больше двух классов. По мнению Валлерстайна, «в конфликтных ситуациях многочисленные общественные фракции имеют тенденцию сокращаться до двух основных групп путем формирования альянсов, то есть по определению невозможно одновременное наличие трех и более классов, осознающих себя в качестве таковых»¹. При этом даже существование двух классов – это скорее проходящий момент, нежели длительно сохраняющееся положение дел: «утверждение, что не может существовать три и более класса, не означает, что классов всегда два. Классов может не быть вообще, хотя это редкая и проходящая ситуация. Но может быть так, что существует всего один класс – вот наиболее распространенное положение дел. Если же мы имеем два класса, то такая ситуация наиболее взрывоопасна». «В действительности классы существуют лишь в конфликтных ситуациях», – резюмирует Валлерстайн, но при этом конфликт не обязательно может быть межклассовым, он «может быть определен и как столкновение между одним классом, воспринимающим себя в качестве универсального, и всеми прочими социальными стратами»².

Ситуация, сложившаяся в российском социуме в течение полутора лет мирового экономического кризиса, очевидно конфликтна. В первом приближении это конфликт между сторонниками декларируемой президентом Медведевым модернизации и (цитируя статью президента) «влиятельными группами продажных чиновников и ничего не предпринимających «предпринимателей»». Если с первой группой все более или менее понятно, то кто же такие эти «мы», к которым апеллирует президент на протяжении всей своей статьи? Ответ на этот вопрос приблизит нас к пониманию природы конфликта в российском об-

¹ Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. Academic Press, New York and London, 1974. P. 351.

² Ibid.

ществе и позволит дать определенные прогнозы развития ситуации. Для этого мы постараемся проверить на нынешних российских реалиях классовую теорию Валлерстайна.

Начнем с вопроса, сколько классов в сегодняшнем российском обществе? Один, два или ноль? Прежде всего приходит на ум словосочетание «средний класс», численность которого в России чаще всего определяется исходя из определенного уровня доходов. Если принять за «точку входа» уровень зарплат от 1 000 долларов в месяц (плюс-минус 20%), то средний класс в России составляет несколько процентов населения и существует в основном в крупных городах³. Если же считать, что «средние русские оказались ярко выраженной социальной группой не только благодаря уровню своих доходов, статусу или потребительским предпочтениям, но и характерному для них набору ценностей»⁴, главными среди которых являются свобода, воля, энергия и самодисциплина, то средний класс, по оценке опубликованного в 2006 году исследования «Реальная Россия. Социальная стратификация современного российского общества», выполненного журналом «Эксперт», Институтом общественного проектирования и компанией Romir monitoring, составляет в российском обществе порядка 25%. Однако в чем выражается самосознание этого класса, иными словами, какими терминами он сам себя определяет? Через какие политические институты идентифицирует себя средний класс? Есть ли у него, помимо общих ценностей, общая политическая воля? На эти вопросы, на первый взгляд, приходится дать отрицательный ответ. Если считать классом группу лиц, занятых деятельностью общей экономической природы и имеющих общие политические цели, реализуемые через формальные легитимные институты, то никакого «среднего» класса в России нет и не было – пока лишь можно говорить о некоем «протоклассе», который характеризует «принятие правил игры рыночной экономики и готовность играть по этим правилам».⁵ При этом ценности данной группы практически не артикулированы в публичном политическом пространстве. Таким образом, вслед за Валлерстайном, используя известные термины Гегеля, можно утверждать, что некая группа российского общества, для описания которой используется заимствованный из западной практики термин «средний класс», является сегодня скорее классом *an sich*, [в себе], а стало быть, необходимо выяснить, может ли она превратиться в класс *für sich* [для себя] и при каких условиях. Но для начала нужно все же ответить на первый поставленный вопрос: сколько классов в сегодняшнем российском обществе?

³ Качалов И. *Существует ли средний класс в России?* // Практический маркетинг, №1, 2003, <http://www.cfin.ru/press/practical/2003-01/02.shtml>.

⁴ Николай Силаев, *Спасты среднего русского*, Эксперт, №49 (638), 15 декабря 2008 года, http://www.expert.ru/printissues/expert/2008/49/spasti_srednego_russkogo/.

⁵ Там же.

2.

Рискнем предположить, что единственным полноценным классом российского общества, соответствующим приведенному выше определению, является государственный класс. Оценить его численность несложно. Для этого достаточно обратиться к данным Росстата, согласно которым в 2008 году численность экономически активного населения составляла 75 765,6 миллионов человек, из них на конец года 5,8 млн человек составляли безработные, то есть число занятых составило порядка 69, 965,6 млн чел. Из них 7,9% – это госслужащие, армия и работники соцобеспечения, 9% – работники образования и 7,6% – здравоохранения, итого эти 3 категории составляют 24,6% занятых, или примерно 17,2 миллиона человек (здесь, разумеется, надо делать поправку на негосударственных врачей и педагогов, но существенно общую сумму она не скорректирует). Кроме того, к государственному классу могут быть отнесены работники государственных компаний или компаний с преобладанием государственного капитала, крупнейшими из которых (далее приведены данные «Википедии» и отдельных компаний) являются РЖД (1,3 миллиона чел.), Ростехнологии (788 тысяч чел.), Почта России (415 тыс. чел.), Газпром (376 тыс. чел.), Росатом (290 тыс. чел.), Сбербанк (250 тыс. чел.) Связьинвест (203 тыс. чел.), Транснефть (84 тыс. чел.), ВТБ (38 тыс. чел.), а также структуры бывшего РАО ЕЭС (порядка 470 тыс. чел.) – всего более чем 4,2 миллиона человек, или еще как минимум 6% занятых. Добавим сюда 7,8% занятых в сельском хозяйстве, для которого традиционно характерна высокая зависимость от государства, и получим, что занятая часть государственного класса может быть оценена по меньшей мере в 38,4% от занятого населения России, или порядка 26 млн 870 тыс. человек. На первый взгляд, может показаться абсурдным включать в пределы одного класса, скажем, мелкого клерка Почты России и президента РЖД, чьи доходы различаются в десятки раз, но не стоит забывать ценное замечание Валлерстайна о том, что «разница в доходах – это не показатель того, что некоторая группа не является классом»⁶.

Теперь рассмотрим структуру экономически неактивного населения в свете интересующей нас проблемы численности «государевых людей». Из 36,909 млн человек экономически неактивного населения (данные 2007 года) 14,73 млн человек (т.е. порядка 40%) составляли пенсионеры, т.е. мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет, что, опять же, является существенно заниженной цифрой с учетом более раннего выхода на пенсию значительных групп населения (работников силовых структур, вредных производств и проч.). В 5,23 миллиона (данные 2005 года, www.stat.edu.ru) оценим численность студентов государственных вузов, что составит еще 14% экономически неактивного населения (с необходимой поправкой на студентов недневных форм обучения). В итоге к государственному классу в чистом виде относится как минимум 20 миллионов человек, или 54% экономически неактивного населения – без учета, по-

⁶ Wallerstein, op. cit., p. 241.

вторим, пенсионеров допенсионного возраста, экономически неактивных членов семей «государевых людей» и т.д. Таким образом, в целом численность государственного класса составит, по самой скромной оценке, где-то 47 миллионов человек. Если же к этому добавить когорту пресловутых «ничего не предпринимающих предпринимателей» – за этим эвфемизмом скрываются представители бизнеса, включенные в клиентские сети чиновников, то есть термин допускает максимально широкое толкование, – тогда мы получаем еще более внушительное число.

Сравним полученную цифру с результатами последних выборов в Государственную Думу. Общее число бюллетеней, поданных, согласно статистике Центризбиркома, за партию Единая Россия составляет 44,7 миллионов – цифра подозрительно близкая к полученной нами численности государственного класса. Разумеется, мы не утверждаем, что каждый из тех, кого мы отнесли к этому классу, в декабре 2007 года голосовал за Единую Россию, в особенности это касается жителей села и пенсионеров, многие из которых по традиции (заметим, традиции очевидно регрессирующей) голосуют за КПРФ и Аграрную партию, а также могли отдать свой голос за ту же «Справедливую Россию». Не стоит делать ставку и на высокий процент голосовавших среди студентов. В то же время мы не склонны преувеличивать фактор подтасовки выборов и вообще придавать ему какую-либо релевантность – расхожий оборот «накидали» лишь препятствует беспристрастному анализу. «Неприличные» результаты Единой России в северокавказских республиках лишь отражают степень зависимости этих регионов от дотаций федерального бюджета; аналогичным образом не могли быть в рамках «средней температуры по больнице» и результаты ЕР в тех регионах, руководители которых входят в верхушку партии (прежде всего, Татарстан и Башкортостан). Важно другое: совокупный показатель Единой России в 2008 году стал результатом беспрецедентной – и, похоже, едва ли не стопроцентной – мобилизации государственного класса и связанных с ним сетей в других социальных группах (банальный пример: агитация педагогов на родительских собраниях в школах и проч.). То, что Единая Россия получила 64% голосов проголосовавших, а ближайший конкурент – КПРФ – всего 11,5% (8 миллионов), означает лишь то, что в России нет никакого иного класса, кроме государственного. Между тем, почти 45 миллионов голосов за ЕР – это всего лишь 41% от общего числа зарегистрированных избирателей. Учитывая то, что явка на этих «мобилизационных» выборах составила 63,71%, больше трети неявившихся к урнам – это и есть тот самый класс *an sich*, или, по выражению автора цитированной выше статьи из «Эксперта», «немой класс», который теперь не может даже голосовать против всех. А если учесть, что многие голосовали по принципу «за кого угодно, лишь бы не за ЕДРо», «немой класс» потенциально готов померяться числом с классом государственным.

3.

Мировой экономический кризис поставил под угрозу существование российского «среднего класса» даже в описанном выше «потенциальном» состоянии. В первую очередь, речь, конечно же, идет о снижении доходов, что влечет за собой необходимость отказа от сложившихся потребительских моделей и в конечном итоге ставит под сомнение всю систему ценностей этой группы. Напротив, государственные антикризисные программы оказались направлены в первую очередь на поддержание нижних страт государственного класса, в первую очередь пенсионеров и работников бюджетной сферы, что лишь увеличило нагрузку на госбюджет, а начиная со следующего года ляжет непосильным грузом на плечи бизнеса в связи с резким увеличением обязательных социальных отчислений.

В подобной ситуации перед «средним классом» возникает в целом три варианта: опуститься в низшие социальные слои, влиться по мере возможностей в ряды государственного класса со всеми втекающими последствиями (в качестве исторической аналогии можно привести известный процесс превращения французской буржуазии «Старого режима» в государственную бюрократию), либо заявить о себе как о полноценном классе, создав собственную политическую партию с целью борьбы за власть. В первом приближении такую партию можно, как ни странно это звучит, назвать «партией нормальных людей» с учетом специфически российского значения слова «нормальный», которое фактически является аналогом слова «средний» в западном обществе. «Не бандит, не олигарх, не из администрации – обычный нормальный человек» – вот рабочее определение этого типажа, прозвучавшее из уст «нормального» санкт-петербургского предпринимателя в личной беседе с автором статьи. Однако реализация любого из трех указанных сценариев в конечном итоге будет зависеть от поведения государственного класса.

Наиболее неблагоприятным для страны вариантом развития событий является эскалация внутриэлитного (или, в российских реалиях, так сказать, «внутри-тандемного») конфликта, усугубление которого при наличии дополнительных негативных факторов (в том числе внешнеполитического характера) чревато революцией и распадом государственности. Данный сценарий неминуем в том случае, если в российской политике в преддверии ближайшего избирательного цикла не повысится уровень публичности и открытости, что в первую очередь означает массовую мобилизацию Дмитрием Медведевым своего электората, который явно в целом совпадает с «немым классом» – недаром в одном из первых обращений к россиянам Медведева прозвучал концепт свободы, в принципе нехарактерный для патерналистского политического дискурса «путинского» типа. В программных высказываниях Дмитрия Медведева о необходимости модернизации страны был задан именно такой вектор, поскольку модернизация касается всего социума и предполагает максимальное вовлечение в процесс наиболее активной части общества, ныне оказавшейся на обочине политическо-

го процесса. Тем более опасной тенденцией является то, что в сравнительно недавний момент в риторике официальных лиц понятие «модернизации» стало вытесняться понятием «инноваций». Опасность такой «подмены понятий» заключается в том, что инновационная деятельность по определению не предполагает участия в ней общества в целом. Хорошей иллюстрацией государственной «инновационной» политики в обществе, которому необходима полномасштабная модернизация, является современная Индия – периферийная страна с развитым кластером высокотехнологичных производств (прежде всего в сфере IT и фармацевтики). Нужна ли нам такая Россия? Иными словами, развитие инноваций – это всего лишь часть (правда, необходимая часть) более широкого проекта модернизации, но инновации ни в коем случае не должны его подменять или уводить на второй план.

Кроме того, узкотехнологическое понимание инноваций упускает из виду то, что человечество сегодня нуждается в инновациях другого рода, которые с неизбежным упрощением можно назвать гуманитарными. В прошлом году один из крупнейших американских социологов Рэндалл Коллинз выступил с докладом, посвященным, казалось бы, давно «пройденной» проблеме «технологического замещения», то есть вытеснения человеческого труда машинным⁷. По мнению Коллинза, повальное развитие пресловутых технологических инноваций (т.е. компьютеризация, автоматизация и т.д.) разрушают средний класс точно так же, как некогда внедрение фабричных технологий заставляло луддитов крушить машины, видя в них источник всех бедствий. Наивно думать, что эта тенденция обойдет стороной Россию: в конце прошлого года Сбербанк уже объявил программу сокращения кадров на четверть – привычных операторов скоро заменят платежные терминалы⁸. Есть ли у российской элиты понимание глобальных проблем нового типа? Похоже, что нет, и без вынесения политического действия в публичное пространство тем, кто эти проблемы готов обсуждать и решать уже сегодня, нет шансов попасть в элиту, принимающую решения на государственном уровне. В своем докладе Рэндалл Коллинз не дает ответа, как справиться со «смертью труда». Между тем, возможно именно российским гуманитариям под силу решение этой проблемы, учитывая опыт России в мобилизации масс для осуществления крупных инфраструктурных проектов, необходимость реализации которых в России сегодня очевидна (хотя опыт этот, признаем, далеко не всегда гуманный). Во всяком случае, другой крупнейший социолог современности Крейг Калхун выдает нашим гуманитариям большой кредит: «За пределами Америки и Западной Европы Россия и ближайшие соседи остаются едва ли не единственной серьезной базой интеллектуального производства, ... сохранившей достаточно автономные традиции и энергию... У нас есть навыки развитой школы, при этом еще возможно знание,

⁷ См. Коллинз Р. *Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики* // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований, 2010, №1. С. 35-50. <http://politconcept.sfedu.ru/>

⁸ См. <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1046522>

не специализированное по дисциплинам, и все еще почитается самоценной эрудиция, выходящая за пределы узкопрофессиональной компетенции, что типично для капиталистических рынков экспертных услуг»⁹. Рискнем предположить, что если технологические инновации (или, в расхожем представлении, «нанотехнологии») станут господствующим трендом в отечественной интеллектуальной сфере, то наш пока еще высокий потенциал в области социально-гуманитарных наук будет утрачен очень быстро.

Вернемся, однако, к основной теме. Программное выступление Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» было однозначно адресовано к той части общества, которая заинтересована в модернизации. Было бы в корне неправильно говорить, что «государственный класс» поголовно модернизации противится и всячески ее тормозит. Аналогичным образом нельзя утверждать, что среди потенциального электората «партии нормальных людей» нет тех, кто готов голосовать за Единую Россию – справедливости ради следует упомянуть, что, согласно упомянутому исследованию «Эксперта», Института общественного проектирования и Romir monitoring, 21% «средних русских» в 2003 году голосовали именно за нее. Другое дело, готова ли эта партия (а также все остальные) к тому, чтобы стать полноценной партией власти? Неизбежно вспоминая ленинские «Апрельские тезисы», есть ли в России такая партия? Похоже, что ее нет. Готов ли Дмитрий Медведев – глава государственного класса, рискнувший выйти за его пределы, такую партию возглавить? Мы узнаем ответ на этот вопрос в ближайшем будущем. Однако даже если Медведев не готов возглавить полноценную оппозиционную Единую России партию, это не отменяет ее необходимость. Для того чтобы полноценно запустить проект модернизации, требуется именно публичная политическая структура, готовая взять на себя ответственность за развитие страны, предельно трезво понимая, что удачные модернизации в мировой истории скорее исключение из правил, но другого варианта, увы, не существует. Как говорил Троцкий, будьте реалистами – требуйте невозможного. Без создания новой политической партии, которая будет представлять интересы того самого «немного класса», Россия будет обречена на незавидную участь колосса на глиняных ногах.

---

⁹ См. Георгий Дерлугьян, *Россия на подвижном горизонте Америки: механизмы неэквивалентного обмена в геокультуре* // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. С. 350.